

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/56/10

И.Ф. Гнюсова

«ИОНЫЧ» А.П. ЧЕХОВА И «МИДЛМАРЧ» ДЖ. ЭЛИОТ: СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В «ОПУСТОШАЮЩЕЙ ДУШУ ЖИТЕЙСКОЙ ТРЯСИНЕ»

Выдвигается гипотеза о возможности творческого отклика А.П. Чехова на творчество Джордж Элиот, в частности роман «Мидлмарч». На материале рассказа «Ионыч» делается вывод о принципиальной близости Чехову викторианской философии человека, общности художественного метода и ключевых нравственно-философских убеждений Элиот и русского писателя. Отдельно рассматривается образ центрального героя – молодого провинциального врача, который «изнутри» продолжает авторское исследование социально-психологических закономерностей обыденной жизни людей.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Дж. Элиот, Дж.Г. Льюис, художественный метод, образ врача.

Рассказ «Ионыч» (1898) считается одним из хрестоматийных¹ произведений А.П. Чехова, отражающих взгляды писателя на назначение человека. Тем не менее интерпретация этого рассказа остается одним из актуальных вопросов современного чеховедения. Об этом свидетельствует регулярное появление статей, в которых исследователи пытаются с разных позиций протестовать стереотипную трактовку «Ионыча»². В настоящей работе

¹ Такое определение ему дают многие исследователи, среди которых А.П. Чудаков [1. С. 305], В.Б. Катаев [2. С. 26] и др.

² Так, Б.С. Дыханова в статье 2004 г. анализирует «эстетическую информативность» [3. С. 19] чеховского рассказа, в частности образы дома и сада, делая вывод о «самодостаточной полноте жизни Туркиных-старших, лишенной социальных притязаний» [Там же. С. 20], и драме Старцева, причиной которой стало «низведение бытового, повседневного... существования до чего-то малозначашего» и «замещение духовного социальным» [Там же. С. 21]. Ю.В. Доманский в работе 2006 г. видит в сцене на кладбище отражение эстетики декадентства и предлагает прочитать рассказ еще и как изложение «авторского взгляда на искусство» [4. С. 160]. О.В. Богданова в исследовании 2016 г. доказывает, «что намерением Чехова не был показ деградации образа главного героя», он лишь «намечал жизненный путь обыкновенного человека, тем самым воплощая особенности собственного философского представления о жизни» [5. С. 124]. А.С. Степанова в своей статье (2016) спорит с традиционной трактовкой функциональности песни «Лучинушка»: исполнение песни, по ее мнению, «становится фактом искусства и в такой же мере не имеет ничего общего с жизнью, как и роман Веры Иосифовны» [6. С. 144]. Отметим также более раннюю работу В.М. Марковича (1996), в которой он

будет также предпринята попытка по-новому взглянуть на концепцию рассказа путем сравнительного анализа чеховского произведения с романом Джордж Элиот «Мидлмарч».

Самое известное творение Элиот и «величайший из написанных на английском языке» [8. С. 237] романов в сознании каждого англичанина, «Мидлмарч» был создан в 1871–1872 гг. Как и все произведения английской писательницы, он оказался незамедлительно переведен и опубликован в российских журналах «Отечественные записки» (1872) и «Дело» (1872–1873), а в 1873 г. вышел двумя отдельными изданиями. Творчество Элиот имело значительный резонанс в литературных кругах того времени: как замечает Б.М. Проскурнин, «...ни один обзор современной иностранной литературы в 1850–1870-х годах не обходился без разговора о ней, не говоря уже об особо близких отношениях Элиот и И.С. Тургенева, пристальном интересе к ее прозе со стороны Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского» [9]. Из записок Д.П. Маковицкого, кстати, достоверно известно о знакомстве Толстого с романом «Мидлмарч» [10. С. 242].

Читал ли его Чехов? Никаких прямых свидетельств этого в записных книжках, письмах и произведениях писателя не обнаруживается. Однако нам представляется, что такое знакомство было вполне возможно уже в момент публикации романа, несмотря на то, что Чехову в это время было только 12–13 лет. По словам В.В. Ермилова, для будущего писателя «это были годы, наполненные уже вполне осознанным, огромным трудом самовоспитания» [11], главной составляющей которого было чтение¹.

На творчество Элиот Чехов мог обратить внимание и позже. В 1880-е гг., когда он сам пробует свои силы как литератор, имя писательницы продолжает регулярно появляться на страницах ведущих изданий. В начале 1881 г. почти все газеты и журналы печатают некрологи (Элиот умерла в декабре 1880 г.), а затем размещают очерки биографического характера. В 1884 г. такой очерк публикует в «Вестнике Европы» и А.С. Суворин, в дальней-

указывает на «наличие в рассказе по крайней мере двух смысловых перспектив и их существенное несовпадение» [7. С. 30].

¹ То, что в указанном возрасте Чехов читал вполне серьезные произведения, доказывают, например, его советы брату Михаилу в письме от июля 1876 г. (Антону тогда было 16 лет, а Михаилу – 11): «Хорошо делаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временем ты эту привычку оценишь. Мадам Бичер-Стоу выжала из глаз твоих слезы? Я ее когда-то читал... <...> Прочти ты следующие книги: “Дон-Кихот” (полный в 7 или 8 частей). Хорошая вещь. Сочинение Сервантеса, которого ставят чуть ли не на одну доску с Шекспиром. <...> Если желаешь прочесть нескучное путешествие, прочти “Фрегат Паллада” Гончарова...» [12. Т. 1. С. 29]. В 13 лет Чехов начал посещать и театр: в «Летописи жизни и творчества Чехова» по разным источникам собраны названия пьес, которые видел Чехов в гимназические годы: «Ограбленная почта», «Маменькин сынок», «Лев Гурыч Синичкин», «Гамлет», «Ревизор», «Горе от ума», «Без вины виноватые», «Чайный цветок», «Парижские нищие», «За монастырской стеной», «Хижина дяди Тома», «Убийство Коверлей», «Петербургские когти» и др. [13]. Все эти факты в совокупности указывают на то, что, будучи гимназистом, Антон Павлович вполне мог прочесть и такой роман, как «Мидлмарч».

шем один из близких друзей Чехова. И хотя знакомство их состоится только в 1885 г., нельзя отрицать возможность того, что в разговорах двух литераторов обсуждалось творчество Элиот, занимающей, по словам Суворина, «почетное место между самыми первоклассными европейскими романистами» [14. С. 134].

Статьи и отдельные издания, посвященные жизни и наследию Джордж Элиот, продолжают выходить и в 1890-е гг. Одним из заметных явлений стала книга Л.К. Давыдовой, выпущенная в 1892 г. в серии «Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова». В ней дается весьма односторонняя и субъективная оценка произведений писательницы, однако точно характеризуется «миросозерцание Джордж Элиот и ее жизненная философия» [15]. Так, Давыдова подчеркивает, что «положительные типы» Элиот «вовсе не какие-нибудь образцы героических добродетелей; они не совершают никаких особенных подвигов, а живут той обыденной, повседневной жизнью, какую живет громадное большинство человечества, и стараются по мере сил и возможностей облагородить эту жизнь для себя и облегчить ее для других» [Там же]. Этот тезис автор очерка подкрепляет собственными словами Элиот из статьи 1857 г.: «Чувство сострадания к людям не находится в прямой зависимости от веры в будущую жизнь; напротив, может быть, у многих людей сознание того, что жизнь так коротка и что с нею все кончается, скорее может породить нравственное воодушевление, чем идея о бесконечном существовании»¹.

Легко заметить, что квинтэссенция основных идей Элиот – человек живет здесь и сейчас, он сам определяет свою жизнь и должен по мере сил совершенствовать ее – весьма близка чеховской философии человека. «Именно сознание того, что человек создан для больших дел, для большого труда, заставило Чехова вмешаться в обыденную, мелочную сторону жизни – не с тем, чтобы прямо обличать или негодовать, а с тем, чтобы показать, как эта жизнь несообразна с заложенными в этих людях возможностями, – пишет об этом Б.М. Эйхенбаум. – <...> Он видел, что люди сами тяготеют этой неурядицей, этой “путаницей мелочей”, этой житейской “тиной”» [16].

Частая публикация биографических очерков об Элиот дает основание говорить еще об одном возможном связующем звене между ней и Чеховым. Это звено – Джордж Генри Льюис, гражданский муж писательницы, известный в России английский философ, ученый и литературный критик. В 1859 г. он создал один из первых в мире научно-популярных трудов по медицине – книгу «Физиология обыденной жизни», в которой несведущему в анатомии читателю «в живой форме рассказывалось о том, что происходит в теле ежедневно, ежечасно и ежесекундно» [17]. Книга была переведена на русский язык в 1861 г. (и переиздавалась в 1863 и 1876-м) и приобрела огромную популярность: ее рецензируют ведущие критики; о ней упоминает в своем романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоев-

¹ Цит. по: [15].

ский¹; возможно, именно эту книгу Льюиса читает и Анна Каренина в рукописном варианте толстовского романа². Но наиболее существенной для Чехова как врача могла быть рекомендация знаменитого русского физиолога И.П. Павлова, который неоднократно признавался, что именно «Физиология обыденной жизни» перевернула его взгляд на мир и пробудила интерес к науке – впоследствии он был способен наизусть цитировать целые страницы из книги Льюиса [20].

Внимание к обыденной жизни и ее максимально объективное, методичное, почти научное исследование – это тот «узел», в котором сходятся интересы Чехова, Льюиса и Джордж Элиот. Писательница известна своим интересом к естественным наукам и увлечением философией позитивизма. Важность основной профессии Чехова для его творческого метода также отмечалась многими исследователями: «Медицина была дорога ему как правильный метод познания человека и общества, как научная опора для художественного наблюдения и разработки материала... чтобы не впасть в субъективизм, не поддаться личным представлениям, не утратить чувства целого, не выйти из круга жизни» [16]. И именно эта особенность чеховской поэтики – максимально объективное отображение жизненных явлений и характеров – сближает его произведения с викторианской литературой, и прежде всего с аналитическим психологизмом Элиот. Для творчества писательницы принципиально важна эстетика «правдивости и точности воспроизведения жизни» [21. С. 298]. Элиот, как подчеркивает Б.М. Проскурнин, стремилась изображать «жизнь как процесс, как единый поток... со всей совокупностью детерминант, причин и следствий, с генетическим синтезом прошлого и настоящего» [Там же]. Не случайно роман «Мидлмарч» имеет подзаголовок, прямо указывающий на «научность» авторского метода: «A Study of Provincial Life» – «Исследование провинциальной жизни»³.

Принципиально важным в этом смысле является и тип героя, которого Элиот и Чехов ставят в центр своих произведений. Это тоже ученый-естественник и одновременно практикующий врач, причем врач провинциальный, который «изнутри» продолжает исследование социально-психологических закономерностей обыденной жизни людей. Такому аналитическому подходу способствует и одинаковый сюжетный ход: и доктор Лидгейт, и доктор Старцев – новички, сторонние люди в провинциальном городе, куда они прибывают в начале повествования. Оба покровительственно оценивают, «что это за люди» (С. 10, 25)⁴ вокруг них, но очень скоро сами поглощаются этой средой, становятся ее частью.

¹ «...Одну книжку – “Физиологию” Льюиса, изволите знать-с? – с большим интересом прочла», – говорит Мармеладов об образовании Сони [18. Т. 6. С. 16].

² «Анна... занималась чтением... тех модных серьезных книг какими были Toqueville, Carlyle, Lewes, Taine» [19. Т. 20. С. 487].

³ В российских изданиях романа абсолютно все переводчики выбрали менее точный вариант: «Картины провинциальной жизни».

⁴ Здесь и далее ссылки на Полное собрание сочинений А.П. Чехова [12] даются в круглых скобках с указанием тома (П. – письма, С. – сочинения) и страницы.

Герой-врач, молодой интеллигент с амбициозным желанием преобразить мир – знаковый герой для викторианской литературы 1860–1870-х гг., когда на волне научных открытий (прежде всего теории Дарвина) интеллигенция начинает занимать ведущую позицию в общественной жизни Англии. Именно Элиот в своих произведениях обратила пристальное внимание на этот процесс формирования нового передового класса людей и на испытания, которым подвергается такой герой. Не случайно в более ранней европейской литературе можно с трудом вспомнить произведения, в центре которых находится герой-врач¹.

Образ молодого интеллигента оказался удобным материалом для реализации ключевой идеи Джордж Элиот. Б.М. Проскурнин справедливо указывает на то, как и почти все ее произведения, «Мидлмарч» – роман «о призвании, которое ищет, обретает или не обретает, за которое борется, побеждая или терпя поражение, герой или героиня» [21. С. 309]. В «Мидлмарче» писательница реализует оба варианта, делая центральными персонажами образованную девушку с пылким характером и молодого доктора, «интеллектуально воспроизведенный процесс самоопределения» которых и «составляет основу сюжета и конфликтной системы романа» [Там же. С. 310]. Главным противником героев на этом пути становится сам город – Мидлмарч, «его атмосфера, нравственные и этические горизонты» [Там же. С. 311].

Даже если Чехов и не читал роман Элиот, созданное им произведение о судьбе молодого и неглупого врача, презиравшего рутину и пошлость, но пришедшего к еще более печальному итогу («не человек» (С. 10, 40)), сразу после публикации вошло в большой литературный контекст, известный его читателям². Конечно, традиция литературы о врачах существовала и в России («Доктор Крупов» А.И. Герцена, «Некуда» Н.С. Лескова, «Отцы и дети» И.С. Тургенева), но только в «Мидлмарче» этот тип героя оказался

¹ Немногочисленные примеры – романы «Мадам Бовари» Г. Флобера, «Доктор Торн» Э. Троллопа, «Повесть о двух городах» Ч. Диккенса и др., однако профессия героя еще не играет в них существенной роли.

² То, что сюжет «Ионыча» оказался знакомым его читателям, демонстрирует, к примеру, критический очерк Д.Н. Овсяннико-Куликовского (1902), который начинается так: «...легко может показаться, будто рассказ написан на старую, избитую тему о том, как “среда заедает свежего человека”. В былое время в нашей литературе это была одна из ходячих, излюбленных тем. Писались повести, романы, пьесы, в которых “герой”, обыкновенно молодой человек с благородными стремлениями и возвышенной душой, попадает в непонимающую его, отсталую “среду” и вступает в борьбу с нею; эта борьба кончается тем, что благородный “герой” растеривает все свои возвышенные стремления, “падает”, опускается и начинает жить безыдейно, пошло, даже развратно, – тою жизнью, какою будто бы живет “среда”» [22. С. 491]. Хотя роман «Мидлмарч» в работе критика не упоминается, его сюжет вполне совпадает с этим описанием. Отметим также, что современники Чехова обратили внимание на особую значимость героя-врача в его творчестве. Так, Е.А. Ляцкий в статье 1904 г. замечает: «...рисую своих интеллигентов, г-н Чехов обнаруживает большое пристрастие к врачам: последние фигурируют у него во многих рассказах; назовем, например, “Неприятность”, “Дуэль”, “Ионыч”, “Бабы царство”, “Скучная история”, “Случай из практики”, “По делам службы” и др.» [23. С. 457].

столь явно подчинен близкой Чехову викторианской идее о героизме обыденной жизни, о тяготах борьбы человека за право оставаться верным своей нравственной позиции. На наш взгляд, параллели между судьбами двух докторов – Старцева и Лидгейта – свидетельство не просто случайного типологического сходства, но принципиальной близости Чехову викторианской философии человека, общности художественного метода и ключевых нравственно-философских убеждений Элиот и русского писателя.

Неслучайно в этой связи и то, что рассказ «Ионыч» был написан Чеховым сразу после возвращения из-за границы, где в Париже и двух французских курортных городах – Биаррице и Ницце – писатель прожил в общей сложности восемь месяцев. Широко известно его признание в «страстной любви» к европейской культуре¹. Кроме того, именно во время пребывания Чехова во Франции произошел очередной виток знаменитого «дела Дрейфуса», когда Эмиль Золя вступился за осужденного и выдвинул публичное обвинение против французских властей. В то время как в России многие считали этот поступок неприемлемым, Чехов горячо отстаивал правоту Золя и восхищался его гражданским мужеством². «Ионыч» и «Маленькая трилогия», написанные летом 1898 г., во многом отражают тоску Чехова по тому уважению к личности и вниманию к собственному достоинству, которое остро чувствовал писатель в Европе. Эти рассказы становятся его своеобразным диалогом с европейскими писателями о ценности человека и о личной ответственности за свою жизнь – и в ряду этих писателей, безусловно, фигурирует и Джордж Элиот.

Образы двух провинциальных городов, воплощение «трясины опустошающих душу житейских дрызг» [24. С. 732] (цитата из «Мидлмарча»), – первая и наиболее яркая художественная параллель между произведениями Элиот и Чехова. Мидлмарч, как и город С., не просто «среда», но метафорическое воплощение всего, с чем приходится бороться на жизненном пути любому человеку, – мелочности, пошлости, ограниченности интересов, злословия, косности и предубеждений. Этимология вымышленного топонима Элиот совершенно очевидна: ключевая его часть, слово «middle», «средний»³, – это и символ усредненности, обывательского существования без высоких целей, и одновременно собирательный образ среднего английского городка и жизни среднего класса.

Подобную символику можно увидеть и в чеховском «губернском городе С.»⁴ – аналогия с романом Элиот позволяет предположить, что С. – это

¹ «Природа здешняя меня не трогает, она мне чужда, но я страстно люблю тепло, люблю культуру...» (письмо от 10 (22) ноября 1897 г. (П. 7, 98)).

² «Дело Дрейфуса закипело и поехало, но еще не стало на рельсы. Золя благородная душа, и я... в восторге от его порыва. Франция чудесная страна, и писатели у нее чудесные» (письмо от 4 (16) января 1898 г. (П. 7, 143)).

³ «March» – ход, развитие событий.

⁴ Примечательно, что хотя Чехов не выносит название города в заглавие своего произведения по примеру Элиот, это сделано в экранизации рассказа 1966 г.: фильм режиссера Иосифа Хейфица называется «В городе С.».

тоже «средний город» с той же смысловой нагрузкой. Эмоциональные образы, сопровождающие упоминание об обоих топосах, аналогичны у Элиот и Чехова: в городе С. «приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни» (С. 10, 24); доктор Лидгейт впервые появляется в тексте с чувством «унылого ожидания вкупе с печальным убеждением, что от Мидлмарча вообще нельзя ожидать ничего хорошего» [24. С. 121].

Основной сюжет рассказа «Ионыч» имеет очевидное типологическое сходство с одной из двух линий романа «Мидлмарч», где рассказывается о судьбе молодого врача Тертия Лидгейта. В начале действия он приезжает в провинциальный город, имея твердое намерение совершить прорыв в науке и медицинской практике, но очень скоро его амбициозные планы терпят крах, и в дальнейшем он будет вынужден влечить свое существование, улаживая «платежеспособных пациентов» [Там же. С. 825] на морском курорте и недалекую красавицу-жену. Однако при внимательном рассмотрении в рассказе Чехова обнаруживается упоминание и о второй сюжетной линии романа Элиот. Это не что иное, как роман Веры Иосифовны Туркиной, который она читает во время первого визита Старцева в их дом: «...как молодая, красивая графиня устраивала у себя в деревне школы, больницы, библиотеки и как она полюбила странствующего художника» (С. 10, 26).

О.В. Богданова полагает, что этот сюжет «отчасти напоминает “Дом с мезонином” Чехова» [5. С. 125]. Однако возможна и другая, менее очевидная гипотеза о происхождении истории Веры Иосифовны: это немного видоизмененное изложение судьбы Доротеи Брук, героини романа «Мидлмарч». Девушка из обеспеченной английской семьи жаждет принести пользу людям: так, она мечтает «купить землю и основать деревню, которая станет школой разумного труда» [24. С. 757], а впоследствии жертвует деньги на экспериментальную больницу. В финале Доротея отказывается от наследства ради того, чтобы выйти замуж за бедного молодого человека Уилла Ладислава, который в начале романа собирается стать художником, а в дальнейшем посвящает жизнь политической деятельности¹.

Семья Туркиных, «самая образованная и талантливая» (С. 10, 24) в городе С., также имеет аналог в романе Элиот. Подобно тому, как новый

¹ Отчасти образ Доротеи перекликается и с фигурой Екатерины Ивановны Туркиной. Если в начале повествования героиню Чехова обуревают себялюбивые мечты о жизни столичной артистки («...я хочу славы, успехов, свободы» (С. 10, 34)), то после возвращения в город С. ее стремления совершенно совпадают с желанием Доротеи стать спутницей жизни и верной помощницей человека, посвятившего себя интеллектуальному труду ради высокой цели. Стремясь вернуть расположение Старцева, она идеализирует его труд, который в ее глазах становится подобием гражданского подвига: «Какое это счастье быть земским врачом, помогать страдальцам, служить народу. Какое счастье!» (С. 10, 39). Доротея точно так же восторгается ученостью и занятиями преподобного Кейсобона, ее будущего мужа: «Мой долг – учиться, чтобы я могла помогать ему в его великих трудах. В нашей жизни не будет ничего мелкого и пошлого. Великое и благородное – вот что станет нашими буднями. Слово бы я вышла замуж за Паскаля» [24. С. 30]. Очевидно, что эти представления обеих героинь не более чем иллюзия.

земский доктор Старцев вскоре после назначения получает приглашение в гости к «умной, интересной, приятной семье» (С. 10, 24), Лидгейтом с первых дней его работы в Мидлмарче начинают интересоваться в доме Уолтера Винси, фабриканта и будущего мэра города. Эпизоды посещения главными героями семейных вечеров в наиболее известном доме города содержат чрезвычайно много переключек. Схожи образы хозяев – Ивана Петровича Туркина, «полного, красивого брюнета с бакенами» (С. 10, 24) и «смеющимися глазами» (С. 10, 26), любителя принимать гостей, «шутить и острить» (С. 10, 24), и Уолтера Винси, «дорожного человека» «цветущего вида» [24. С. 24], «любящего пожить в свое удовольствие» [Там же. С. 349] и предпочитающего «всем другим ролям... роль хлебосольного хозяина» [Там же. С. 350]. Простодушие и «веселая шутливость в обращении с мужем и детьми» [Там же. С. 163] миссис Винси так же могут быть соотнесены с напускным кокетством «баловницы» (С. 10, 25) Веры Иосифовны. Но главное, что сближает описание обеих семей, – это атмосфера искренней радости, добродушия и умение наслаждаться жизнью, которое проявляют те и другие хозяева.

«Мидлмарч» ¹	«Ионыч»
<p>Лидгейт со времени своего приезда в Мидлмарч еще ни разу не бывал на столь приятном семейном вечере². Винси умели радоваться, забывать про заботы и не считали жизнь юдолью скорби, а потому тон их дома был редкостью для провинциальных городов той эпохи... У Винси играли в вист и карточные столы были уже разложены, а потому некоторые гости с тайным нетерпением ожидали, когда Розамонда кончит петь [24. С. 167].</p> <p>Ее отец обводил взглядом гостей, наслаждаясь их восторгом, а мать сидела... и, держа на коленях младшую дочь, нежно покачивала руку девочки в такт музыке. Даже Фред, несмотря на свое скептическое отношение к Розе, слушал ее с искренним удовольствием, жалея только, что не может вот так же чаровать слушателей своей флейтой [Там же. С. 166–167].</p>	<p>Туркины принимали гостей радушно и показывали им свои таланты весело, с сердечной простотой. В их большом каменном доме было просторно и летом прохладно, половина окон выходила в старый тенистый сад, где весной пели соловьи; когда в доме сидели гости, то в кухне стучали ножами, во дворе пахло жареным луком – и это всякий раз предвещало обильный и вкусный ужин (С. 10, 24).</p> <p><...> – Ну, Котик, сегодня ты играла, как никогда, – сказал Иван Петрович со слезами на глазах, когда его дочь кончила и встала (С. 10, 27).</p>

¹ Перевод И.Г. Гуровой и Е.В. Коротковой.

² Здесь и далее выделено мною. – И.Г.

В эпизоде первого посещения Старцевым дома Туркиных Чехов многократно повторяет эпитеты со значением покоя, удовольствия, наслаждения: «мягкий», «покойный», «ласковый», «нежный», «удобный», «приятный». Каждая деталь здесь описана с максимальной чувственной конкретностью, и при этом для сгущения смыслов автор задействует все пять органов чувств: «очень вкусные печенья... таяли во рту» (С. 10, 25), «в мягких, глубоких креслах было покойно», «огни мигали так ласково в сумерках гостиной», «потягивало со двора сиренью», «слушать было приятно, удобно» (С. 10, 26). Неслучайно здесь и метафорическое упоминание о весне (также настойчиво повторяемое автором) как аналога молодости героя и молодости его души: Старцев отправляется в гости «весной, в праздник» (С. 10, 25), и внешность Екатерины Ивановны¹, с которой его знакомят, вся «говорила о весне, настоящей весне» (С. 10, 25).

Художественная картина, нарисованная Чеховым, характеризует не только Туркиных, их простой и сердечный семейный уклад. Это, прежде всего, указание на способность главного героя к обостренному восприятию жизни, его умение чувствовать, которое будет утеряно Дмитрием Старцевым к концу рассказа. Эта способность обуславливает и его чуткость к другим людям, широту мышления, допущение иного взгляд на мир. Во второй части Старцев отправляется на кладбище именно потому, что убежден: «У всякого свои странности... Котик тоже странная и – кто знает? – быть может, она не шутит, придет» (С. 10, 31). Через четыре года после неудавшегося сватовства и это приятие другого будет утрачено героем: «...обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его» (С. 10, 35).

Своеобразной проверкой героя на умение чувствовать является музыка. О.В. Богданова, развивающая в своей статье мысль об изначальной «усредненности», «обычности» Старцева, указывает, что его восприятие фортепианной игры Котика («эти шумные, надоедливые, но все же культурные звуки» (С. 10, 27)) «однозначно становится выражением глухоты и равнодушия героя» [5. С. 125]. Но в то же время именно во время игры Котика на рояле Старцев понимает, что ему нравится героиня, «розовая от напряжения, сильная, энергичная, с локоном, упавшим на лоб» (С. 10, 27). Эта энергия как будто передается и самому доктору, который после посещения Туркиных чувствует невероятный подъем сил: «Пройдя девять верст и потом ложась спать, он не чувствовал ни малейшей усталости, а напротив, ему казалось, что он с удовольствием прошел бы еще верст двадцать» (С. 10, 28). Обращает на себя внимание и то, что Старцев напевает по дороге домой, изменив слова известного романса на стихотворение А.С. Пушкина «Ночь»: «Твой голос для меня, и ласковый и томный...» (С. 10, 28). Это говорит о том, что герой не настолько лишен музыкально-

¹ Упомянем здесь, что домашнее имя Екатерины Туркиной Котик – еще одна любопытная отсылка к роману «Мидлмарч»: младшую сестру Доротей Селию в семье называют «Киска» («Kitty»).

сти и глух к искусству, как может показаться по его впечатлению от выступления Котика.

В романе «Мидлмарч» игра на рояле и пение героини также становятся первым шагом к влюбленности героя: «Лидгейт был полностью покорен и уверовал в исключительность Розамонды» [24. С. 166], заявив позднее, что женщина «должна вызывать то же чувство, что и чудесная музыка» [Там же. С. 97]. Романы двух докторов схожи наличием внутренней борьбы между страстью (Старцев: «...я страстно хочу, жажду вашего голоса» (С. 10, 29), «лунный свет подогривал в нем страсть» (С. 10, 31); «...не удержался и страстно поцеловал ее в губы» (С. 10, 33)) и голосом разума: «Остановись, пока не поздно! Пара ли она тебе? Она избалована, капризна, спит до двух часов, а ты дьячковский сын, земский врач... Ее родня заставит тебя бросить земскую службу и жить в городе» (С. 10, 32–33). Лидгейт вообще не думает о женитьбе, дав себе слово отложить это «...до тех пор, пока он не проложит для себя собственную дорогу в стороне от широкого истоптанного пути» [24. С. 98]. Однако очарование Розамонды и ее слезы, вызванные его долгим отсутствием, ненароком приводят к объяснению: «...мысль, подобная молнии, озарила скрытые уголки его души и пробудила способность к страстной любви, которая не была погребена под каменными сводами склепа, а таилась у самой поверхности» [Там же. С. 308].

Оба доктора становятся жертвами собственных иллюзий. Старцев идеализирует восторженную и тщеславную Екатерину Ивановну: «Она восхищала его своею свежестью, наивным выражением глаз и щек. ...Он видел что-то необыкновенно милое, трогательное своей простотой и наивной грацией. И в то же время... она казалась ему очень умной и развитой не по летам» (С. 10, 29). Лидгейт чудовищно ошибается, приписывая пустой и эгоцентричной Розамонде способность украсить его жизнь и облегчить кропотливый труд ученого-практика: «...вряд ли можно было бы найти изобретательницу безопаснее мисс Винси, чей ум украсил бы любую женщину – образованный, утонченный, восприимчивый, способный постигать деликатнейшие оттенки жизни и обитающий в теле, которое настолько все это подтверждает, что иных доказательств не нужно» [Там же. С. 169].

Однако Элиот, разумеется, не делает Розамонду Винси единственной виновницей краха благородных стремлений Лидгейта. Писательница показывает, как сам герой втягивает себя в паутину неразрешимых обстоятельств (больших денежных долгов и всеобщего осуждения после сомнительного случая с умершим больным) из-за своего характера. Лидгейта губят невнимание к чувствам других людей, самоуверенность, гордыня, тщеславное желание жить не хуже других и возможность пойти против убеждений ради собственной пользы (ситуация с выборами священнослужителя в больнице). Как и в рассказе Чехова, доктора здесь не «заедает среда»: трясина провинциального городка – только один, и не главный фактор, убивающий его мечту о славе ученого и осмысленной трудовой жизни.

На фоне «Мидлмарча» история доктора Старцева и вовсе лишена каких-либо отягощающих внешних обстоятельств. Котик отказывает ему,

сомнительная женитьба не состоялась, с Туркиными он больше не общается, жители города С. не только не вредят герою, но, напротив, побаиваются его: «...за то, что он всегда сурово молчал и глядел в тарелку, его прозвали в городе “поляк надутый”, хотя он никогда поляком не был» (С. 10, 36). Однако Старцев теряет больше, чем жизненную цель, – он теряет в себе живую душу, способность к сочувствию и сопереживанию. Единственной страстью героя становится стяжательство, «в которое он втянулся незаметно, мало-помалу» (С. 10, 36). Увеличение накоплений не имеет для Ионыча никакой конкретной цели – ему просто нравится «по вечерам вынимать из карманов бумажки... и когда собиралось несколько сот», отвозить их «в Общество взаимного кредита» (С. 10, 36)¹.

Лидгейт в конце жизни также приходит к внешнему благополучию: он приобрел огромную практику, «сделался богат» и поселил жену «в золоченой, благоухающей цветами клетке» [24. С. 825]. Но этот финал имеет принципиальное отличие от чеховского: герой Элиот осознает, что с ним произошло, и не видит счастья в богатстве, «упорно называя себя неудачником» [Там же]. Более того, несчастья, случившиеся с Лидгейтом в Мидлмарче, заставляют его прозреть: герой начинает понимать как пустоту своей жены, так и бесценные душевные качества Доротеи, на которую он сперва смотрит с долей скептицизма; он становится терпимее и смиреннее, высокой ценой обретая жизненную мудрость. Жизнь обывателя является его расплатой за ошибки, но одновременно Лидгейт вырастает духовно.

Чехов более пессимистичен в своем взгляде на фигуру доктора Старцева. Финальной фразой «вот и все, что можно сказать про него» (С. 10, 41) он как будто не оставляет герою никаких шансов на возрождение². Но од-

¹ Этот мотив любования деньгами, «от которых пахло духами, и уксусом, и ладаном, и ворванью» (С. 10, 36), очень напоминает ситуацию из другого романа Джордж Элиот – «Сайлес Марнер» (1861), где единственной радостью героя, потерявшего веру в людей и Бога, становится накопление золота: «Теперь... когда цели не стало, эта привычка ждать заработанных денег, и получать их, как награду за усилия, послужила почвой, достаточно глубокой для всхода семян алчности. И когда Сайлес под вечер возвращался через поля домой, он то и дело вытаскивал монеты из кармана, и ему казалось, что в надвигающихся сумерках они блестят еще ярче» [25. С. 19]. Роман «Сайлес Марнер» неоднократно переиздавался в России, в том числе в 1889, 1890 и 1892 гг., поэтому потенциально он также мог быть знаком А.П. Чехову.

² Такую возможность своему герою Чехов предоставил в ранней повести «Цветы запоздалые» (1882), в сюжете которой, по мнению З.С. Паперного, берет начало замысел «Ионыча» [26]. В финале повести любовь главной героини, княжны Маруси, преобразует корыстного доктора Топоркова: глядя на нее, он вспоминает свою молодость, учебу в университете «вопреки желаниям благодетелей», «голод и холод ради труда» (С. 1, 429). «Наконец он победил, лбом своим пробил туннель к жизни, прошел этот туннель и... что же? <...> Неужели только для пятирублевки и барынь он прошел ту трудовую дорогу? Да, только для них...» (С. 1, 429–430). Это прозрение заставляет его на короткий срок изменить свою жизнь, увести умирающую Марусю на юг, а после смерти героини взять к себе ее беспутного брата. Повесть считается «одним из наиболее слабых произведений начинающего писателя» [27. С. 95], однако показательно, в ней более открыто, по сравнению с «Ионычем», проявляется английский контекст.

новременно этим финалом Чехов стремится подтолкнуть к возрождению своего читателя. «Вывод может быть только один, – пишет В.Б. Катаев, – бороться с превращением в Ионыча должен каждый – пусть надежд на успех в этой борьбе почти нет» [25. С. 106]. И эта мысль полностью соответствует пафосу эпилога романа Элиот, призывающего по примеру Доротеи не смиряться с «несовершенством окружающей среды», ибо «благоденствие нашего мира» зависит порой от самых незначительных «житейских деяний», от людей, которые сумели прожить жизнь «незаметно и честно» [24. С. 829]. Симптоматично, что и рассказ «Ионыч» заканчивается не подведением печальных итогов жизни талантливого врача Дмитрия Старцева: как и Элиот, Чехов стремится здесь противопоставить им других героев – семью Туркиных. В неизменности их «сердечной простоты» (С. 10, 41), верности своим привычкам видится теперь позитивное начало: все той же незначительной, но простой и честной жизнью они незаметно противостоят безысходности, бездушности засасывающей человека «житейской трясины».

Разумеется, близость произведений Элиот и Чехова не отменяет их явного отличия – прежде всего, в жанровой природе. Эпическое повествование романа «Мидлмарч» совершенно несхоже с «пунктирной» манерой изображения событий в рассказе «Ионыч» – впрочем, широта проблематики и хронотопа позволяет исследователям предполагать, что именно это произведение Чехов в одном из писем называл «маленьким романом»¹. Есть отличия и в художественной манере писателей: налицо лаконизм Чехова, усиление драматичности его образов. Но эти расхождения только подчеркивают общее стремление писателей к объективному и максимально правдивому изображению художественной реальности, к научно-точному исследованию провинциальной действительности, той житейской «тины», в которой, по словам В.Б. Катаева, так «...неимоверно трудно оставаться человеком, даже зная, каким ему следует быть» [28. С. 106].

Проведенный анализ позволяет с уверенностью говорить о том, что рассказ «Ионыч» стал своеобразным откликом Чехова на европейскую философию личности, и прежде всего на викторианскую идею о героизме обыденной жизни, которую развивает в своем творчестве и Джордж Элиот.

Княжна Маруся, например, описывается Чеховым как «девушка лет двадцати, хорошенькая, как героиня английского романа, с чудными кудрями льняного цвета, с большими умными глазами цвета южного неба» (С. 1, 392–393). Это, по сути, утрированный портрет красавицы Розамонды, который, впрочем, тоже изображается Элиот без иронии: «Розамонда сняла шляпку, разгладила вуаль и кончиками пальцев поправила волосы... золотистые, как у младенца. ...Эти две нимфы – одна в зеркале и другая перед ним... глядели друг на друга глазами небесной синевы, такой глубокой, что восхищенные наблюдатели могли прочесть в них самые неземные мысли...» [24. С. 116]. Обращает на себя внимание и завязка сюжета повести «Цветы запоздалые», где аналогично «Мидлмарчу» отношения между молодыми людьми завязываются вследствие болезни брата героини.

¹ «Пишу маленький роман» (письмо от 10 (22) декабря 1897 г. (П. 7, 116)).

Предпринятое ею исследование того, как складывается судьба молодого интеллигента в провинциальной среде, находит свое продолжение в рассказе Чехова, где герой еще видит несовершенство окружающей его «трясины», но уже равнодушен к себе, к истинному предназначению человека, а потому стремительно теряет человеческие черты. Принципиальная близость нравственного пафоса и особой природы объективности творчества Элиот и Чехова указывает на факт своеобразного диалога двух крупнейших европейских писателей и позволяет существенно обогатить представление о литературном процессе второй половины XIX в.

Литература

1. Чудаков А.П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М., 1986. 384 с.
2. Катаев В.Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники. М., 2004. 392 с.
3. Дыханова Б.С. Утрата без обретений (эстетическая информативность рассказа А.П. Чехова «Ионыч») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2004. № 2. С. 19–22.
4. Доманский Ю.В. Декадент Ионыч // Чеховские чтения в Оттаве : сб. науч. тр. Тверь ; Оттава, 2006. С. 142–160.
5. Богданова О.В. Образ доктора Старцева в рассказе А.П. Чехова «Ионыч» // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2. С. 124–127.
6. Степанова А.С. Псевдоантитеза в рассказе А.П. Чехова «Ионыч» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2016. Вып. 3. С. 138–146.
7. Маркович В.М. Пушкин, Чехов и судьба «пелеющей душу гуманности» // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М., 1998. С. 19–34.
8. Хьюитт К. Джордж Элиот и ее роман «Мидлмарч» // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 236–260.
9. Проскурнин Б.М. Почему Джордж Элиот недооценена в современной России, или О пользе зарубежного взгляда на российскую англистику // Вопросы литературы. 2005. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/2/pro11.html> (дата обращения: 29.07.2018).
10. У Толстого. 1904–1910: «Яснополяские записки» Д.П. Маковицкого : в 4 кн. Кн. 1: 1904–1905. М., 1979. 544 с.
11. Ермилов В.В. Чехов. М., 1946. 446 с. URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0490.shtml (дата обращения: 30.07.2018).
12. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М., 1974–1983.
13. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т. 1: 1860–1888. М. : Наследие, 2000–... URL: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/lc-abc/0.htm> (дата обращения: 30.07.2018).
14. Суворин А.С. Джордж Элиот: Очерк жизни и сочинений // Вестник Европы. 1884. Т. 3, № 5. С. 133–179.
15. Давыдова Л.К. Джордж Элиот. Ее жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=114078&p=17> (дата обращения: 1.04.2018).
16. Эйхенбаум Б.М. О Чехове // Эйхенбаум Б.М. О прозе : сб. ст. Л., 1969. С. 357–370. URL: <http://chegov.niv.ru/chegov/articles/ejhenbaum-o-chehove.htm> (дата обращения: 31.03.2018).
17. Иван Петрович Павлов. URL: <http://nauka03.ru/istoriya-anatomii/ivan-petrovich-pavlov.html> (дата обращения: 01.04.2018).
18. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990.
19. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л., 1928–1958.
20. Льюис Г.Г. Физиология обыденной жизни [Аннотация]. URL: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=34983> (дата обращения: 01.04.2018).

21. *Проскурнин Б.М.* Джордж Элиот // История зарубежной литературы XIX века: западноевропейская реалистическая проза : учеб. пособие. М., 2006. С. 289–342.

22. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Этюды о творчестве А.П. Чехова // А.П. Чехов: pro et contra: Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914): антология. СПб., 2002. С. 482–536.

23. *Ляцкий Е.А.* А.П. Чехов и его рассказы: Этюд // А.П. Чехов: pro et contra: Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914): антология. СПб., 2002. С. 425–481.

24. *Элиот Дж.* Мидлмарч. М., 2012. 829 с.

25. *Элиот Дж.* Сайлес Марнер. М.; Л., 1959. 190 с.

26. *Паперный З.С.* Записные книжки Чехова. М., 1976. 391 с. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st004.shtml> (дата обращения: 01.08.2018).

27. *Бердников Г.П.* Чехов. М., 1974. 512 с.

28. *Катаев В.Б.* Ионыч // А.П. Чехов : энцикл. М., 2011. 696 с.

ANTON CHEKHOV'S "IONYCH" AND GEORGE ELIOT'S *MIDDLEMARCH*: THE FATE OF MAN IN A "SOUL-WASTING STRUGGLE WITH WORLDLY ANNOYANCES"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 56. 187–202. DOI: 10.17223/19986645/56/10

Irina F. Gnyusova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: A.P. Chekhov, George Eliot, G.H. Lewes, creative method, character of doctor.

The paper attempts to give a new view of the conception of the story "Ionych" by a comparative analysis of Chekhov's work with George Eliot's *Middlemarch*. Eliot's novel was written in 1871–72 and immediately published in Russian magazines. Did Chekhov read it? There is no sure evidence of it. But Eliot's name regularly appeared in Russian periodicals. A.S. Suvorin published an essay about her life, too. One more connecting link is G.H. Lewes, Eliot's common-law husband. His book *Physiology of Common Life* was very popular in Russia.

Attention to common life and its methodical, even scientific study is the "node", in which the interests of Chekhov, Lewes and Eliot converge. Eliot was also known by her propensity to natural sciences. Many researchers noted the importance of Chekhov's main profession for his creative method. The key feature of Chekhov's poetics, maximally objective representation of the facts of life, is similar to Eliot's analytical psychological analysis. For a reason, the novel *Middlemarch* has the subtitle *A Study of Provincial Life*.

The type of character, which Eliot and Chekhov put in the centre of their works, is significant. This is a natural scientist and a practicing doctor at the same time. In *Middlemarch*, this type of character obeyed the Victorian idea about the heroism of common life and the tribulations of man in struggle for freedom to be true to his own moral position, which was close to Chekhov. In the author's view, the parallels between the fates of the two doctors bear evidence of the fundamental closeness of the Victorian philosophy of personality to Chekhov, of the affinity of the creative method and the moral-philosophical views of Eliot and the Russian writer rather than a random typological resemblance.

The most salient parallel between the two works is the image of two provincial towns. *Middlemarch*, like the "town S.", is not simply a "milieu", but a representation of all that man has to contend with: pettiness, platitude, narrow-mindedness. The plot of the story "Ionych" has an evident typological resemblance with one of the two lines of the novel *Middlemarch*. The young Doctor Lydgate comes to a provincial town, intending to achieve a breakthrough in science, but is soon defeated in his ambitious plans. The Turkin family also has an analogue in Eliot's novel. Love affairs of the two main characters are similar: both doctors are victimized by their own delusions. Disregard to other people's feelings, self-confidence,

pride, desire to stand the pace eventually ruin Lydgate. Nevertheless, the character develops morally. Startsev loses more than the purpose of life: he loses his living soul, the ability to sympathize and empathize.

Eliot's study of the fate of a young intellectual in a provincial milieu continued in Chekhov's story. His character still notices the imperfection of the ambient "bog", but he is already indifferent to himself and to the true mission of man; therefore, he swiftly loses human features. The closeness of the moral pathos and of the specific nature of objectivity in Eliot's and Chekhov's works indicates the fact of a particular dialogue of the two European writers.

References

1. Chudakov, A.P. (1986) *Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie* [Chekhov's world: the emergence and establishment]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
2. Kataev, V.B. (2004) *Chekhov plyus...: Predshestvenniki, sovremenniki, preemniki* [Chekhov plus . . . Predecessors, contemporaries, successors]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Dykhanova, B.S. (2004) Utrata bez obreteniy (esteticheskaya informativnost' rasskaza A.P. Chekhova "Ionych") [Loss without acquisitions (aesthetic informativity of Anton Chekhov's story "Ionych")]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism.* 2. pp. 19–22.
4. Domanskiy, Yu.V. (2006) Dekadent Ionych [The Decadent Ionych]. In: Domanskiy, Yu.V. & Clayton, D. (eds) *Chekhovskie chteniya v Ottave* [Chekhov's Readings in Ottawa]. Tver; Ottawa: Liliya Print.
5. Bogdanova, O.V. (2016) The image of Doctor Startsev in A.P. Chekhov's story "ionych". *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – Bryansk State University Herald.* 2. pp. 124–127. (In Russian).
6. Stepanova, A.S. (2016) Pseudoantithesis in Short Story *Ionych* by A. Chekhov. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9 – Vestnik of St. Petersburg University. Series 9.* 3. pp. 138–146. (In Russian).
7. Markovich, V.M. (1998) Pushkin, Chekhov i sud'ba "leleyushchey dush-ch gumannosti" [Pushkin, Chekhov and the fate of "soul-nurturing humanity"]. In: Kataev, V.B. (ed.) *Chekhoviana: Chekhov i Pushkin* [Chekhoviana: Chekhov and Pushkin]. Moscow: Nauka.
8. Kh'yuit, K. (2005) Dzhordzh Eliot i ee roman "Midlmarch" [George Eliot and her novel "Middlemarch"]. Translated from English by I. Popova. *Voprosy literatury.* 2. pp. 236–260.
9. Proskurnin, B.M. (2005) Pochemu Dzhordzh Eliot nedootsenena v sovremennoy Rossii, ili O pol'ze zarubezhnogo vzglyada na rossiyskuyu anglistiku [Why George Eliot is underestimated in modern Russia, or The benefits of a foreign perspective on Russian English studies]. *Voprosy literatury.* 2. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/2/pro11.html>. (Accessed: 29.07.2018).
10. Makashin, S.A. (ed.) (1979) *U Tolstogo. 1904–1910: "Yasnopolyanskije zapiski" D.P. Makovitskogo: v 4 kn.* [At Tolstoy's. 1904–1910: "Yasnaya Polyana Notes" by D.P. Makovitsky: in 4 books]. Book 1. Moscow: Nauka.
11. Ermilov, V.V. (1946) *Chekhov*. Moscow: Molodaya gvardiya. [Online] Available from: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0490.shtml. (Accessed: 30.07.2018). (In Russian).
12. Chekhov, A.P. (1974–1983) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols]. Moscow: Nauka.
13. Gromova-Opul'skaya, L.D. et al. (eds) (2000) *Letopis' zhizni i tvorchestva A.P. Chekhova* [Chronicle of the life and work of A.P. Chekhov]. Vol. 1. Moscow: Nasledie. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/lc-abc/0.htm>. (Accessed: 30.07.2018).
14. Suvorin, A.S. (1884) Dzhordzh Eliot: Ocherk zhizni i sochineniy [George Eliot: Essay on life and writings]. *Vestnik Evropy.* 3 (5). pp. 133–179.

15. Davydova, L.K. (1892) *Dzhordzh Eliot. Ee zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [George Eliot Her life and literary activity]. St. Petersburg, [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=114078&p=17>.
16. Eykhenbaum, B.M. (1969) *O proze* [About prose]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. pp. 357–370. [Online] Available from: <http://chehov.niv.ru/chehov/articles/ejhenbaum-o-chehove.htm>. (Accessed: 31.03.2018).
17. Nauka03.ru. (n.d.) *Ivan Petrovich Pavlov*. [Online] Available from: <http://nauka03.ru/istoriya-anatomii/ivan-petrovich-pavlov.html>. (Accessed: 01.04.2018). (In Russian).
18. Dostoevsky, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad: Nauka.
19. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols]. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
20. Lewis, G.H. (1863) *Fiziologiya obydennoy zhizni [Annotatsiya]* [Physiology of everyday life [Abstract]]. Translated from English. [Online] Available from: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&lang=ru&page=Book&id=34983>. (Accessed: 01.04.2018).
21. Proskurnin, B.M. (2006) Dzhordzh Eliot [George Eliot]. In: Proskurnin, B.M. & Yasen'kina, R.F. *Istoriya zarubezhnoy literatury XIX veka: zapadnoevropeyskaya realisticheskaya proza* [History of foreign literature of the 19th century: Western European realistic prose]. Moscow: Flinta.
22. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (2002) *Etyudy o tvorchestve A.P. Chekhova* [Essays about the works of A.P. Chekhov]. In: Burlak, D.K. (ed.) *A.P. Chekhov: pro et contra: Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoy mysli kontsa XIX – nachala XX v. (1887–1914): Antologiya* [A.P. Chekhov: pro et contra: Works of A.P. Chekhov in the Russian thought of the late 19th – early 20th centuries (1887–1914): Anthology]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities.
23. Lyatskiy, Ye.A. (2002) *A.P. Chekhov i ego rasskazy: Etyud* [A.P. Chekhov and his stories: An essay]. In: Burlak, D.K. (ed.) *A.P. Chekhov: pro et contra: Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoy mysli kontsa XIX – nachala XX v. (1887–1914): Antologiya* [A.P. Chekhov: pro et contra: Works of A.P. Chekhov in the Russian thought of the late 19th – early 20th centuries (1887–1914): Anthology]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities.
24. Eliot, G. (2012). *Midlmarch* [Middlemarch]. Translated from English. Moscow: Astrel'.
25. Eliot, G. (1959) *Sayles Marner* [Silas Marner]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.
26. Papernyy, Z.S. (1976) *Zapisnye knizhki Chekhova* [Chekhov's notebooks]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. [Online] Available from: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st004.shtml>. (Accessed: 01.08.2018).
27. Berdnikov, G.P. (1974) *Chekhov*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
28. Kataev, V.B. (2011) Ionych. In: Kataev, V.B. (ed.) *A.P. Chekhov: entsikl.* [A.P. Chekhov: an encyclopedia]. Moscow: Prosveshchenie.